

Вдова Линь Сань-эра тайком видела Лю Цуйхуа несколько раз раньше. Тогда та выглядела измождённой, с землистым лицом, кожа была тусклой, желтовато-серой, голос — тихим и робким, и весь день она только и делала, что молча трудилась, опустив голову.

А теперь перед ней стояла эта Лю Цуйхуа? Неужели это она?

Семья Линь не верила, не могла поверить... но вынуждена была признать — да, это она.

— Раз все собрались, начнём разбирательство, — объявил уездный магистрат Синь Мин. Он давно уже занимал эту должность, но за всё время в уезде лишь однажды рассматривал дело, касающееся женщин, поэтому специально перенёс заседание во второй зал.

Стороны изложили свои версии. У Вэнь Жуня всё было просто: он сам не произнёс ни слова. Зато за него говорили Чжан Дая, Ян Дашу, да и сам Ма Сань, прибывший чуть позже — все они стали его голосом. И говорили так подробно и убедительно, особенно о том, как Линь Сань-эр толкнул Вэнь Жуня.

— Не то чтобы старик хотел плохо говорить о людях, — начал Чжан Дая, — но Линь Сань-эр тогда самовольно бросился хватать Лю Цуйхуа. А господин Вэнь, будучи её работодателем и земляком из Ляньхуаао, разве мог спокойно смотреть, как её обижают? Он вступился, но Линь Сань-эр, озверев, не обратил внимания на статус цзюйжэня и прямо-таки напал на него! Если бы господин Вэнь не отразил удар зонтом и веером, его бы точно избили. Но и этого оказалось мало: Линь Сань-эр с такой силой толкнул его, что тот упал на землю! Хорошо ещё, что я стоял позади и сумел подставить себя под падение — иначе господин Вэнь сейчас лежал бы со сломанными костями или серьёзными ушибами! Да ведь он цзюйжэнь! На лице такого человека не должно быть ни единой царапины! А земля-то в тот день была раскалённая, да ещё и усеяна всяким хламом... Старик до сих пор в ужасе! Слава небесам, что я оказался рядом. Вот только теперь у меня на спине пластырь — до сих пор болит!

Вэнь Жунь потихоньку попивал чай. Теперь-то он понял, зачем вчера Чжан Дая заходил в аптеку и вернулся с маленьким бумажным свёртком. Утром Вэнь Жунь не обратил внимания, но как только они вошли в яму, сразу почувствовал сильный запах лечебного пластыря.

Вот оно как!

Неизвестно, какой именно пластырь купил старик, но в такую жару, когда все ходят в лёгкой одежде, он ещё и приклеил его прямо на тело — запах разносился по всему залу! И теперь его слова звучали особенно убедительно: ведь прошло уже несколько дней, а он всё ещё носит пластырь! А если бы на месте цзюйжэня оказался кто другой... Хотя Чжан Дая, несмотря на возраст, был крепким, как дуб: одного такого — за двух Вэнь Жуней!

Годы тяжёлого труда дали свои плоды — у старика даже мышцы были крепкие.

А вот Вэнь Жуню, сколько бы он ни тренировался, никогда не сравниться в силе с

крестьянином вроде Чжан Дая.

К тому же Чжан Дая умел производить впечатление: седые волосы, дрожащие руки, хриплый старческий голос... Вэнь Жунь прекрасно знал, что старик играет роль. Ведь ещё утром тот съел целых три мясных баоцзы величиной с кулак и без труда запряг двух лошадей!

А теперь еле передвигает ноги? И согнулся? Да ведь утром он стоял прямо, как молодой парень!

Но зато впечатление произвёл отличное!

Вон, сам магистрат Синь уже тяжело дышит, гневно таращится на семью Линь и грозно спрашивает:

— Линь Сань-эр! Зачем ты явился в Ляньхуаао?

Линь Сань-эр, видимо, уже основательно «получил по заслугам» и теперь не осмеливался нести чепуху. Он покорно ответил:

— Забрать Лю Цуйхуа обратно в дом Линь.

— Лю Цуйхуа была тобой разведена! Ты уже женился вторично и даже ребёнка завёл! На каком основании ты вздумал возвращать её домой? — магистрат Синь сразу понял, что слова Чжан Дая и других — чистая правда. Этот сынок Линь явно негодяй, а если сравнить его с Лю Цуйхуа — так это небо и земля.

Их жалкие расчёты были всего лишь самонадеянной глупостью. Даже в деревне такие доводы не прошли бы, не говоря уже о суде!

— Я думала... у неё ведь почти нет родни, — пробормотала старая госпожа Линь. — Лучше пусть вернётся домой, чем мается где-то в чужбине. Разве отвергнутой женщине можно жить хорошо?

Лю Цуйхуа даже рассмеялась от злости:

— Посмотри на меня! Разве я живу плохо?

Вся её внешность — одежда, причёска, осанка — в сравнении с жалким видом женщин из семьи Линь ясно показывала, у кого жизнь идёт в гору, а у кого — в пропасть.

Такая очевидная разница заставила даже старую госпожу Линь замолчать: перед самим

уездным судьёй она уже не осмеливалась нести вздор.

— Линь Сань-эр! — грозно произнёс магистрат Синь, сразу оглашая обвинения. — Ты вместе с матерью и старшим братом отправился в Ляньхуаао, чтобы насильно похитить свободную женщину Лю Цуйхуа, и при этом оскорбил цзюйжэня Вэнь Жуня! Признаёшь ли ты свою вину?

— Госпожа Линь Ван! — продолжал он, обращаясь к старой госпоже Линь. — Ты нарушила женские добродетели: подстрекала сына развестись и взять другую жену, а затем науськивала младшего сына на похищение Лю Цуйхуа! Признаёшь ли ты свою вину?

— Старший сын рода Линь! — магистрат повернулся к главе семьи. — Ты бездействовал, позволяя матери и младшему брату совершать преступление, и даже помогал им! Признаёшь ли ты свою вину?

— Нет, Ваше Превосходительство, я ни в чём не виноват! — запротестовал старший сын Линь, поспешно крича о своей невинности. — Это мать сказала, что Лю Цуйхуа умелая, да ещё и денег скопила... А у нас в доме после бедствия...

Старший сын Линь был человеком эгоистичным до мозга костей. Пусть внешне он и выглядел тихим и простодушным, но будь он на самом деле таким, разве позволил бы матери одной держать всех братьев в одной семье, не разделяя хозяйства?

Если бы дом поделили, ему пришлось бы жить только со своей женой и двумя сыновьями. А кто бы тогда работал в поле? Да и по дому — его жена вовсе не мастерица в делах, ленива до невозможности. Старуха-мать требовательна и капризна, одной невестке с ней не справиться. А вот если не делить дом — младшие братья и их жёны помогают: мужчины работают в поле, а женщины делят между собой домашние хлопоты. Мать же, видя вокруг себя много прислужниц, не цепляется за одну-единственную невестку. Да и самим невесткам легче: пока старуха переключается с одной на другую, все хоть немного передохнут.

На самом деле семья Линь вовсе не хотела возвращать Лю Цуйхуа из-за заботы о ней. Просто в доме не осталось ни денег, ни зерна, да и работать некому. После набега многие женщины погибли, а выжившие заняты детьми — дом превратился в хаос, грязную и тяжёлую работу делать некому. Авторитет старой госпожи Линь тоже серьёзно пошатнулся. Если бы не её тайные припасы, в доме, возможно, даже кашу сварить было бы не из чего.

Ведь семья не делилась, и весь урожай хранился в общем амбаре, ключ от которого держала только старуха. Пока дом не разделён, ни один из сыновей не может иметь личного имущества. Приданое невесток было скудным, да и старуха частенько «одалживала» у них кое-что из приданого под предлогом «сыновней почтительности». Какая невестка захочет отдавать своё приданое свекрови?

«Вышла замуж — чтобы есть и одеваться», — гласит пословица. А эта старуха не только требовала прислуживания, но и придиралась ко всем без разбора. Если невестка осмеливалась возразить — сразу кричала: «Непочтительная! Неблагодарная!» — и устраивала истерику,

грозясь умереть. Но теперь, после бедствия, все узнали: оказывается, у самой старухи были тайники!

Когда её тогда вышвырнули из дома и она потеряла сознание, разбойники не стали искать ключ — просто взломали дверь амбара и вынесли всё зерно. В других домах такого не случилось: где-то давно разделились, и зерно хранили прямо на кухне для удобства; где-то амбар был отдельно от кухни и хорошо спрятан — разбойники нашли лишь немного зерна на кухне, а основные запасы остались нетронутыми.

А в доме Линь старуха строго запрещала оставлять зерно на кухне на ночь — каждый день приходилось ходить в амбар за новой порцией. Так она подчёркивала свою власть и значимость. И вот теперь весь амбар разграбили дочиста.

Как тут не затаить обиду? Раньше, глядя на соседей, живущих отдельно, они лишь завидовали. Теперь же — просто ненавидели: у других хоть есть что есть, а у них — ни крошки!

Без еды и с полным домом ртов — разве не станешь роптать?

— Старуха ведь хотела добра Лю Цуйхуа, — бормотала старая госпожа Линь, уже начиная путаться в словах. — Она же одна, брошенная... Пусть хоть у нас будет кусок хлеба, да и похоронят её как надо...

— Тишина! — разъярённый магистрат Синь вновь стукнул деревянным молотком.

В отличие от шумной, раздражённой и бестолковой семьи Линь, люди Вэнь Жуня вели себя исключительно сдержанно и воспитанно. Особенно Лю Цуйхуа: она стояла спокойно, скромно опустив голову, руки сложены у пояса, в пальцах — простой белый платок с вышитыми орхидеями.

Когда в зале воцарилась тишина, магистрат Синь, нахмурившись, задал вопрос, почти идентичный тому, что недавно задавал Вэнь Жунь:

— Если Лю Цуйхуа вернётся в дом Линь, то в каком статусе она там окажется?

Бывшая первая жена, если вернётся, должна стать наложницей? Но имеет ли Линь Сань-эр вообще право брать наложницу?

Если же она не будет наложницей, то как законная первая жена, она автоматически окажется выше по статусу любой другой женщины в доме Линь!

А значит, нынешняя жена Линь Сань-эра станет наложницей, а её сын — незаконнорождённым.

Различие между законнорождёнными и незаконнорождёнными детьми — это основа порядка, соблюдаемая от императорского двора до самых бедных крестьянских хижин.

— Я не стану наложницей! — вдруг вскричала вдова, нынешняя жена Линь Сань-эра. — Я была взята в дом по всем правилам, с обручением и свадьбой! И ребёнок у меня — твой! Как он вдруг стал незаконнорождённым? Если уж мне быть наложницей, зачем я вообще пошла за тебя? Могла бы выйти за любого господина — там хоть ела бы досыта и пила бы вдоволь, а не маялась с тобой в этой нищете!

Ведь она тоже была «взята по всем правилам», как и Лю Цуйхуа! Да ещё и родила сына, а Лю Цуйхуа — брошенная, бездетная!

— Что ты несёшь? — возмутилась старая госпожа Линь, обращаясь к невестке. — Ты же вдова! Брак с нашим сыном — твоя удача! Лю Цуйхуа вернётся и уж точно найдёт с тобой общий язык!

Старуха говорила так уверенно — ведь новая невестка приходилась ей даже дальней родственницей.

— Тишина! Ещё раз прошу тишины! — магистрат Синь в третий раз ударил молотком. — Лю Цуйхуа! Есть ли у вас что сказать?

— Есть, Ваше Превосходительство, — спокойно и чётко ответила Лю Цуйхуа. — Во-первых, я и семья Линь уже два года как не имеем друг к другу никакого отношения. Вот разводное письмо, выданное мне Линь Сань-эром два года назад.

Она достала документ и передала его через Ма Саня писарю. Тот внимательно проверил бумагу и сверился с архивами ямы — всё подтвердилось: развод официально зарегистрирован, с того дня «муж и жена пошли каждый своей дорогой».

— Во-вторых, — продолжала Лю Цуйхуа, — Линь Сань-эр пришёл в Ляньхуаао именно за мной. Но раз уж мы больше не связаны узами брака, зачем он ко мне явился? Все его слова — лишь предлог. На самом деле он позарился на мои сбережения и хотел завладеть моим имуществом. А напав на моего работодателя, цзюйжэня Вэнь Жуня, он и вся его семья совершили преступление! Все они — соучастники!

Она чётко и логично изложила всё, что произошло, и в завершение сказала:

— Прошу Ваше Превосходительство защитить меня и наказать виновных по заслугам!

Ну и ловко же она одним махом втянула в дело всю семью Линь!

Разумеется, члены семьи Линь возмущаться стали не на шутку.

— Как это на нас можно свалить? — первой выскочила жена Линь Эра. — Это ведь Линь Сань-эр с бабкой сами всё задумали! Мы-то тут при чём?

Жене Линь Дао было нечего возразить: её муж ведь и был одним из троих арестованных. Ему не отвертится.

А вот у жены Линь Эра муж вообще ничего не делал — за что его теперь наказывать?

Жена Линь Сыя тоже возмутилась: её муж, защищая её от надругательств во время набега, получил перелом ноги и до сих пор лежал дома. Неужели и им теперь придётся страдать?

И, что редкость, она встала на одну сторону со своей невесткой — женой Линь Эра.

Остальные члены семьи Линь загалдели вразнобой, и в пылу спора невольно выдали массу компрометирующих подробностей.

Например, оказалось, что вдова уже давно состояла в связи с Линь Сань-эром: она вошла в дом Линь, будучи беременной шесть месяцев, а развестись с Лю Цуйхуа Линь Сань-эр поспешил ещё за месяц до этого — когда срок её беременности составлял пять месяцев!

— Бах! Бах! Бах! — магистрат Синь так яростно колотил по столу деревянным молотком, что тот чуть не рассыпался.

Вэнь Жуню всё это напоминало дешёвую семейную мелодраму с обилием грязи и предательства — только слишком уж шумную.

В итоге магистрат вынес приговор. Обвинений семье Линь предъявили множество, а Линь Сань-эру — особенно много: оскорбление цзюйжэня, насильственное похищение свободной женщины, прелюбодеяние с вдовой и рождение ребёнка вне брака, а также злостный умысел на чужое имущество...

Все преступления были объединены в одно дело. Всем членам семьи Линь конфисковали имущество и приговорили к ссылке на границу на каторжные работы.

Срок не уточнили, но наказание оказалось суровым. Особенно для Линь Сань-эра и старой госпожи Линь. Правда, из-за преклонного возраста старухе сделали небольшую поблажку, но Линь Сань-эру и его старшему брату предстояло надеть кандалы и отправиться в далёкую пограничную крепость.

Члены семьи Линь ошолбенели.

— Мы ведь просто съездили туда один раз! — растерянно воскликнула старая госпожа Линь. —

Не захотела — и ладно! Разве за это стоит так жестоко карать?

— Да ты совсем совесть потеряла! — яростно вмешался Ма Сань. — Простой крестьянин, а мечтает и первую жену держать, и наложницу! Да ещё и без стыда пытается присвоить последние гроши брошенной женщины! А самое худшее — осмелился оскорбить цзюйжэня! Да ведь вы ещё до развода с Лю Цуйхуа завели связь с этой вдовой, да так, что ребёнок у вас уже был! А потом развелись с законной женой и впустили эту женщину в дом! Так вот знайте: этот ребёнок — не законнорождённый, а плод прелюбодеяния! Расписывайтесь! Выводите их! — крикнул он. — Так издеваться над людьми — это уж слишком!

Члены семьи Линь завопили, застонали, но ямщики тут же навалились на них, избили, кого надо — связали, кому надо — заткнули рот.

Разбирательство заняло целое утро. Всю семью Линь арестовали — «подчистую». Ма Сань и его люди немедленно отправились в Линьшаньчан, чтобы схватить и остальных членов семьи, включая тех, кто остался дома — выздоравливающих и ухаживающих за ними.

Вэнь Жунь не стал вникать в дальнейший шум и гам. Как раз наступило время обеда, и уездный магистрат устроил для них угощение. Остальных отпустили без особых церемоний, но самого Вэнь Жуня магистрат Синь пригласил пообедать с ним наедине — даже Чжан Дая не взяли, только они двое за столом.

<http://bllate.org/book/15642/1398126>